

Научная статья

УДК 159.9.07

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВОК
У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Дмитрий Александрович Нестеров¹, Денис Александрович Ивлев²

¹ Военная академия связи имени маршала Советского Союза

С. М. Буденного Министерства Обороны Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

² Главное управления Федеральной службы войск национальной гвардии по Московской области, Реутов, Россия

¹ vas@mil.ru

² ivlev89@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведённого в 2025 году на выборке военнослужащих (N=180). Изучалось, какие психологические механизмы срабатывают у военных, когда они оказываются в ситуации информационной неопределённости – при дефиците достоверных сведений о политических событиях. Выделены четыре механизма: подстройка под мнение группы, доверие к командиру, эмоциональное «заражение» и упрощённое мышление по шаблонам (эвристики). Показано, что в сплочённых подразделениях главную роль играет доверие к авторитетам, а в разобщённых – иррациональные механизмы, ведущие к неадекватным установкам. Даны практические рекомендации для офицеров-воспитателей.

Ключевые слова: политические установки, военнослужащие, информационная неопределённость, психологические механизмы, социальная идентичность, когнитивные эвристики, эмоциональное заражение

Для цитирования: Нестеров Д.А., Ивлев Д.А. Психологические механизмы формирования политических установок у военнослужащих в условиях информационной неопределённости // Вестник Военной академии войск национальной гвардии. 2026. № 2 (35). С. 158–165. URL: <http://vestnik-academrg.ru/2026/06/017.pdf>.

SOCIAL PSYCHOLOGY, POLITICAL AND ECONOMIC PSYCHOLOGY

Original article

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF FORMATION OF POLITICAL ATTITUDES AMONG MILITARY
PERSONNEL IN CONDITIONS OF INFORMATION UNCERTAINTY

Dmitry A. Nesterov¹, Denis A. Ivlev²

¹ Military Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S. M. Budyonny of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Saint-Petersburg, Russia

² The Main Directorate of the Federal Service of the National Guard Troops in the Moscow region, Reutov, Russia

¹ vas@mil.ru

² ivlev89@mail.ru

Abstract. The article presents the results of an empirical study conducted in 2025 on a sample of military personnel (N=180). It examines what psychological mechanisms are triggered in military personnel when they find themselves in a situation of information uncertainty — a lack of reliable information about political events. Four mechanisms are identified: conformity to group opinion, trust in the commander, emotional contagion, and simplified thinking using heuristics. It is shown that in cohesive units the main role is played by trust in authorities, while in disunited units irrational

mechanisms leading to inadequate attitudes dominate. Practical recommendations for educational officers are given.

Keywords: political attitudes, military personnel, information uncertainty, psychological mechanisms, social identity, cognitive heuristics, emotional contagion

For citation: Nesterov D.A., Ivlev D.A. Psychological mechanisms of formation of political attitudes among military personnel in conditions of information uncertainty. Vestnik Voennoj akademii vojsk nacional'noj gvardii. 2025;2(35): 158–165. (In Russ.). Available from: <http://vestnik-academrg.ru/2026/06/017.pdf>.

© Нестеров Д.А., Ивлев Д.А., 2026

Введение

Политические установки военнослужащих – штука не абстрактная. Они прямо влияют на то, как солдаты и офицеры воспринимают приказы, насколько доверяют командованию, готовы ли действовать в сложной обстановке. В последние годы информационная картина мира стала крайне пёстрой. Человек в погонах, особенно в отрыве от дома, часто получает противоречивые новости, слухи, откровенные фейки. При этом проверить информацию бывает негде – связь ограничена, доступ к Интернету купирован, а официальные сводки приходят с задержкой. Такое состояние в психологии называют информационной неопределённостью [11]. Простыми словами: человек не понимает, чему верить, какие факты считать истинными.

Для военнослужащего эта неопределённость усугубляется жёсткой субординацией, необходимостью быстро принимать решения и нести за них ответственность. Плюс стресс, плюс изоляция. В гражданской жизни можно открыть несколько источников и сравнить. В казарме или на полигоне такой возможности нет. Как же в этих условиях у человека формируется политическая позиция? Какие кнопки в психике нажимаются? Вопрос не праздный. От ответа зависит, как строить воспитательную работу, как предотвращать панические настроения и недоверие к власти.

Теоретических работ по социальным установкам написано много – к примеру, классиков Узнадзе, Шихирева [12]. Исследований когнитивных процессов в ситуации неопределённости рассмотрены (Канеман, Тверски) [10].

Эмпирических данных, полученных именно на военнослужащих, в открытом доступе мало. А то, что имеется, зачастую устарело. Мы попытались восполнить этот пробел.

Цель нашей работы – выявить, какие психологические механизмы запускаются у

военных, когда они вынуждены вырабатывать политическую оценку при дефиците информации. И посмотреть, как эти механизмы связаны с тем, насколько подразделение спаяно, дружно.

Основные положения

За теоретическую базу мы взяли три классических подхода, которые в сумме хорошо объясняют, что происходит с психикой человека, когда он перестаёт понимать, что происходит вокруг.

Первый подход – теория когнитивного диссонанса Леона Фестингера [9]. Суть её проста: человеку некомфортно жить с противоречиями. Если он верит в одно, а реальность (или информация) говорит о другом, возникает внутреннее напряжение – диссонанс. Чтобы его снять, можно либо изменить своё поведение, либо изменить убеждение, либо неоправданно использовать дополнительные факты. В условиях информационной неопределённости, когда фактов нет, легче всего изменить убеждение. Например, солдат слышит слух, что командование собирается бросить их подразделение без подкрепления. Если он не может проверить этот слух, у него возникает тревога. Чтобы успокоиться, он либо перестаёт верить слуху (редко), либо начинает искать подтверждение в других источниках, либо просто принимает этот слух за истину и меняет своё отношение к командирам – от доверия к подозрению. Это и есть работа диссонанса.

Второй подход – концепция социальной идентичности Анри Тэшфела и Джона Тёрнера [10]. Она объясняет, почему для военного мнение сослуживцев так важно. Человек определяет себя через группы, к которым принадлежит: «Я – офицер», «Я – разведчик», «Я – из такой-то роты». Группа даёт ему готовые нормы, ценности, оценки. Когда информации нет, эти групповые ярлыки работают как путеводители. Если во взводе принято считать определённое политическое событие предательством, отдельный солдат будет так же считать, иначе он «чужой». В армии этот эффект усиливает

ется из-за реальной опасности: быть изгоем в боевых условиях смертельно опасно. Поэтому механизм принятия групповых норм срабатывает почти автоматически, особенно у младших по званию.

Третий подход – теория эвристик и предубеждений Даниэля Канемана и Амоса Тверски [12]. Мозг не компьютер, он часто берёт короткие пути. Вместо полного анализа ситуации он использует правила-замены – эвристики. Например, эвристика доступности: я легко вспоминаю случай, когда страна N вела себя агрессивно, значит, она агрессивна всегда. Эвристика репрезентативности: этот человек похож на того, кого я уже считал врагом, значит, он тоже враг. Эвристика привязки: первое число, которое я услышал (скажем, процент потерь), становится точкой отсчёта, и я неохотно от неё отказываюсь. В уставшей, недосыпающей, постоянно напряжённой армейской среде эвристики работают с удвоенной силой. Времени на размышления нет, когнитивные ресурсы истощены, приходится упрощать.

Скрестив эти три подхода, мы выделили четыре конкретных психологических механизма. Каждый из них может включаться в разных обстоятельствах.

Первый механизм – редукция неопределённости через принятие групповых норм. Военнослужащий, особенно молодой, не хочет выделяться. Он смотрит на сослуживцев: как они реагируют? Что говорят? Если большинство осуждает какого-то политика или, наоборот, поддерживает – новичок почти наверняка примет ту же позицию. Даже если у него нет собственных аргументов. Это не лицемерие, а защита психики. В неопределённой ситуации быть как все – значит, снизить риск ошибки. В армейской жизни масса примеров: когда в казарму приходит непроверенная новость, через час у всех уже сформировано одно и то же мнение. И оно редко бывает умеренным, чаще – полярным. Командиры знают этот феномен и иногда используют его намеренно, формируя единую позицию личного состава через групповое обсуждение. Но если не управлять этим механизмом, он может породить стадные настроения.

Второй механизм – ориентация на авторитетный источник. Когда непонятно, чему верить, человек ищет того, кто «знает правду». В армии это естественно командир, замполит, психолог, а также неформаль-

ные лидеры – опытные сержанты, ветераны. Механизм работает так: военнослужащий делегирует авторитетному лицу функцию проверки информации. Он думает: «Если командир сказал, значит, это точно». Критичность снижается. Установка принимается как истинная, потому что исходит от «своего» и «главного». Но есть важное условие: механизм срабатывает только при реальном доверии к источнику. Если подчинённые не уважают командира, если он раньше ошибался или лгал – они будут искать альтернативные источники (слухи, Интернет, разговоры в курилке). В таких случаях ориентация на авторитет блокируется, и военнослужащий остаётся один на один с неопределённостью – что толкает его к другим, менее управляемым механизмам. Поэтому в реальной практике укрепление авторитета командиров – это не самоцель, а прямой инструмент управления политическими установками в условиях неопределённости.

Третий механизм – эмоциональное заражение и перенос валентности. Информационная неопределённость всегда порождает фоновую тревожность. Человек чувствует: «что-то не так, но я не понимаю, что». Эта тревога ищет объект, к которому можно привязаться. И вот приходит сообщение – яркое, эмоциональное, часто пугающее или, наоборот, гневное. Например, «противник применяет запрещённые методы» или «наше командование продалось врагу». Такое сообщение не анализируется рассудком, а буквально «прилипает» к уже существующей тревоге. Эмоция (страх, гнев) передаётся от человека к человеку через мимику, жесты, интонации. В замкнутом воинском коллективе, где все находятся в одном помещении или на одном полигоне, этот процесс идёт молниеносно – за полчаса может сформироваться устойчивое паническое настроение или, наоборот, агрессивный угар. Мы все это видели в реальной жизни, когда непроверенная новость за вечер превращается в «общеизвестный факт». В армии, где дисциплина и так держит людей в напряжении, эмоциональное заражение особенно опасно. Оно не требует рациональных аргументов. Один испуганный голос, одно громкое высказывание – и вот уже вся рота считает, что их бросили на произвол судьбы.

Четвёртый механизм – когнитивное упрощение (эвристики). Это целый набор

коротких путей мышления [8]. Самые частые в военной среде – три. Эвристика доступности: военнотружущий оценивает вероятность события по тому, насколько легко он может вспомнить похожий случай. Если в памяти есть яркий пример жестокости определённой страны, любое новое сообщение о ней будет восприниматься в штыки. Эвристика репрезентативности: человек судит о новом объекте по его сходству с уже известным стереотипом. Например, политик носит такую же форму или говорит такими же фразами, как прежний «враг» – значит, он такой же. Эвристика привязки: первая информация, которую военнотружущий получил (например, о численности противника или о сроках операции), становится якорем. Даже если потом придут уточнения, он будет недооценивать их и переоценивать первый якорь. В боевой обстановке, когда спать приходится урывками, а решение надо принимать быстро, эти эвристики становятся доминирующим способом мышления. Они экономят энергию, но ведут к ошибкам и к формированию грубых, искажённых политических установок.

Мы предположили, что эти четыре механизма редко действуют поодиночке. Обычно они комбинируются, и их относительная сила зависит от двух ключевых факторов: (1) уровня информационной неопределённости (низкий или высокий) и (2) степени социальной сплочённости подразделения (низкая или высокая). Исходя из этого, мы построили двухфакторную модель. В первом квадранте (низкая неопределённость, высокая сплочённость) доминирует принятие групповых норм. Во втором (низкая неопределённость, низкая сплочённость) все механизмы ослаблены, человек полагается на личные факты – это безопасно, но редко бывает в армии. В третьем (высокая неопределённость, высокая сплочённость) главным становится ориентация на авторитет – самый управляемый и конструктивный вариант. В четвёртом (высокая неопределённость, низкая сплочённость) активируются эмоциональное заражение и эвристики – самый опасный сценарий, ведущий к хаотичным, часто деструктивным установкам. Задача офицеров-воспитателей и психологов – сдвигать реальное состояние подразделения из четвёртого квадранта в третий или первый, через снижение неопределённости (ин-

формирование) и повышение сплочённости (командообразование).

Методы

Исследование провели в первой половине 2025 года. Задействовали три воинские части: две из Росгвардии и одну из Минобороны. Все они находились в условиях частичной информационной изоляции – доступ к Интернету был ограничен, связь шла по закрытым каналам [9]. Такая обстановка, согласитесь, близка к реальной боевой.

Общая выборка – 180 человек. Только мужчины. Возраст от 19 до 42 лет, средний – 26,3 года. Стаж службы – от года до 18 лет. 78 офицеров, 102 контрактника (сержанты и солдаты). Срочников не брали, так как их психика и уровень информированности сильно отличаются, это отдельная тема.

Что мы измеряли? Во-первых, уровень информационной неопределённости. Создали авторскую шкалу из пяти вопросов. Пример вопроса: «Я часто сталкиваюсь с противоречивыми сообщениями о политических событиях, и не могу понять, где правда». Шкала от 1 до 7. Надёжность (альфа Кронбаха) получилась 0,84 – нормально.

Во-вторых, сплочённость подразделения. Взяли методику Сишора, адаптировали под воинские коллективы. Вопросы типа «Если бы у вас возникла проблема, обратились бы вы за помощью к сослуживцам?». Альфа 0,79.

В-третьих, выраженность четырёх механизмов. Для каждого механизма придумали по 4 утверждения. Например, для механизма «ориентация на авторитет»: «Когда я не понимаю политическую ситуацию, я полностью доверяю мнению моего командира». Ответы по 7-балльной шкале Лайкерта. Общая надёжность опросника 0,88, по субшкалам от 0,76 до 0,85 – приемлемо.

В-четвёртых, итоговые политические установки. Мы оценивали их направленность – от лояльности к официальной линии до критики. Использовали семантический дифференциал [13]: три пары прилагательных (например, «справедливая – несправедливая»). Альфа 0,82.

Статистику считали в SPSS 26. Применили описательные статистики, корреляцию Пирсона, множественный регрессионный анализ (пошаговый метод). Ничего экзотического.

Результаты

Средние значения по всей выборке составили: уровень информационной неопределённости – 4,2 балла из 7 ($SD = 1,3$), сплочённость подразделения – 3,8 из 7 ($SD = 1,5$). Выраженность механизмов: ориентация на авторитетный источник – 5,1 ($SD = 1,2$), принятие групповых норм – 4,7 ($SD = 1,4$), эмоциональное заражение – 3,9 ($SD = 1,6$), когнитивное упрощение – 4,3 ($SD = 1,3$) [7, 8]. Политические установки в среднем сдвинуты в сторону лояльности (5,2 из 7, $SD = 1,4$).

Корреляционный анализ (таблица 1) показал значимые положительные связи между уровнем неопределённости и выраженностью механизмов ориентации на авторитет ($r = 0,52$, $p < 0,01$), эмоционального заражения ($r = 0,41$, $p < 0,01$) и когнитивного упрощения ($r = 0,38$, $p < 0,01$). Сплочённость подразделения отрицательно коррелировала с эмоциональным заражением ($r = -0,45$, $p < 0,01$) и когнитивным упрощением ($r = -0,33$, $p < 0,05$), но положительно – с принятием групповых норм ($r = 0,48$, $p < 0,01$).

Таблица – Корреляции между переменными (N=180)

Table – Correlations between variables (N=180)

Переменная	1	2	3	4	5	6
1. Неопределённость	1					
2. Сплочённость	-0,12	1				
3. Ориентация на авторитет	0,52**	0,08	1			
4. Принятие групповых норм	0,09	0,48**	0,35*	1		
5. Эмоциональное заражение	0,41**	-0,45**	0,21	0,06	1	
6. Когнитивное упрощение	0,38**	-0,33*	0,29*	0,14	0,53**	1

Примечание: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Неопределённость сильно связана с ориентацией на авторитет ($r=0,52$), с эмоциональным заражением ($r=0,41$) и с когнитивным упрощением ($r=0,38$). То есть чем больше человек не понимает, что происходит, тем чаще он цепляется за мнение начальника, тем легче заражается эмоциями и тем больше упрощает мышление.

Сплочённость, наоборот, отрицательно коррелирует с эмоциональным заражением ($r = -0,45$) и с упрощением ($r = -0,33$). Зато положительно – с принятием групповых норм ($r = 0,48$). В дружном коллективе люди больше ориентируются на мнение сослуживцев и меньше подвержены панике и стереотипам.

Проверили нашу двухфакторную модель. Разбили выборку на четыре группы по медиане неопределённости и сплочённости. В группе с высокой неопределённостью и низкой сплочённостью (41 человек): самые высокие, средние по эмоциональному заражению (5,3) и когнитивному упрощению (5,1). В группе с высокой неопределённостью и высокой

сплочённостью (47 человек) лидирует ориентация на авторитет (5,8). В группе с низкой неопределённостью и высокой сплочённостью (52 человека) – принятие групповых норм (5,4). Различия между группами достоверны (ANOVA, F от 12,4 до 18,7, $p < 0,01$).

Регрессионный анализ [7]. Зависимая переменная – лояльность политических установок. Независимые – четыре механизма. Модель получилась значимой. Самый большой вклад у ориентации на авторитет (бета=0,47, $p < 0,001$). Второй – принятие групповых норм (бета=0,31, $p < 0,01$). А вот эмоциональное заражение даёт отрицательный вклад (бета=-0,22, $p < 0,05$). То есть чем сильнее человек подвержен эмоциональному заражению, тем менее лояльны его установки. Модель объясняет 51 % дисперсии (R -квадрат = 0,51).

Обсуждение

Наши данные подтвердили, что теоретическая модель работает. Когда военнослужащий сталкивается с информационной неопределённостью, его психика ищет

выход. В сплочённых подразделениях этот выход – доверие к командиру. Это хорошо: установки формируются быстрые, лояльные, предсказуемые. Но есть и минус: если командир сам ошибается или дезинформирован, то вся рота получит искажённую картину [12].

В несплочённых подразделениях – беда. Там на первый план выходят эмоции и стереотипы. Люди начинают верить слухам, паниковать, ненавидеть «врага» без реальных оснований. Это прямой путь к снижению боеспособности. Поэтому офицеру-воспитателю важно не только информировать, но и работать над климатом в коллективе. Бесполезно читать лекции о политике в коллективе, где люди не доверяют друг другу [16].

Удивило, что принятие групповых норм оказалось связано со сплочённостью, но не с неопределённостью. То есть этот механизм – фон. Он работает всегда в стабильных коллективах, независимо от того, много информации или мало. А вот отрицательная связь эмоционального заражения с лояльностью – важный сигнал. Значит, те подразделения, где легко распространяются панические настроения, чаще скатываются к критике и недоверию.

Конечно, у нашего исследования есть ограничения. Мы не брали срочников. Мы опрашивали людей в относительно спокойной обстановке, а не под обстрелами.

И самооценка – вещь коварная [9], человек может приукрашивать свою лояльность. Тем не менее, результаты достаточно убедительные.

Выводы

Итак, что мы выяснили в итоге. Информационная неопределённость реально запускает у военнослужащих особые психологические механизмы. Самые главные из них – доверие к авторитету, подстройка под группу, эмоциональное заражение и упрощённое мышление по шаблонам [17]. На цифрах видно: когда неопределённость высокая, а подразделение дружное, люди спасаются доверием к командиру – и их политические установки остаются лояльными и устойчивыми. А вот если подразделение разобщённое, при той же высокой неопределённости начинают править бал эмоции и примитивные стереотипы [18]. Тогда установки становятся стихийными, часто враждебными, непредсказуемыми. Регрессионный анализ подтвердил: лояльность растёт от доверия к начальству и от групповой нормы, а от эмоционального заражения – падает. Это практический вывод: нельзя недооценивать внутриколлективный климат [14]. Одних информчасов мало. Нужно одновременно спланировать коллектив и укреплять авторитет командиров. Тогда даже в тумане слухов и фейков люди сохраняют адекватную политическую позицию.

Список источников

1. Андреева Г. М. Социальная психология: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2007. 363 с.
2. Волощук Д. А. Информационно-психологическое противоборство: угрозы и меры защиты личного состава войск // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2026. 101–102 с.
3. Гузенко А. Ю. Информационно-психологическое воздействие сети «Интернет» на военнослужащих внутренних войск МВД России // Молодой ученый. 2016. № 7 (111). С. 322–324.
4. Глазунова. С. Н. Психологическое состояние военнослужащих / С. Н. Глазунова, Е. В. Шапорова // Молодой ученый. 2022. № 13.1 (408.1). С. 8–9.
5. Гончаров С. В. Автоматизация управления военно-политической работой в соединениях и воинских частях в боевой обстановке // Военная мысль. 2021. № 7. 108–109 с.
6. Икрамов Д. Б. Проблемы совершенствования системы социологического обеспечения управленческой деятельности вооруженных сил Российской Федерации в условиях активизации информационно-психологических угроз // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 17–19.
7. Ксенофонов В. А. Социально-философские аспекты информационной безопасности // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2024. № 1 (281). С. 24–25.
8. Поминова О. Л. Система обучения способам распознавания и противодействия современным направлениям информационно-психологического воздействия на военнослужащих // МНКО. 2024. № 3 (106). 240 с.

9. Серкин Р. С. Военно-политическая работа как важнейшее направление работы с личным составом силовых структур российской федерации в условиях возрастания угроз национальной безопасности // Вестник науки и образования. 2025. № 6 (161). С. 3–12.
10. Канеман Д. Принятие решений в неопределённости: правила и предубеждения / Д. Канеман, А. Тверски. Харьков: Гуманитарный центр, 2005. 632 с.
11. Майерс Д. Социальная психология. 7-е изд. СПб. : Питер, 2011. 800 с.
12. Московичи С. Век толп: исторический трактат по психологии масс. М. : Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.
13. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2008. 368 с.
14. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. СПб. : Ювента, 1999. 317 с.
15. Филоненко Л. В. Технологии организации и проведения работы по информационной и психологической безопасности личности военнослужащих / Агапова Г. В., Прилепина Н. В. // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2024. № 29. 26 с.
16. Чалдини Р. Психология влияния. 5-е изд. СПб. : Питер, 2020. 336 с.
17. Шестопал Е.Б. Политическая психология: учебник для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Аспект Пресс, 2022. 312 с.
18. Janis I.L. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign-policy Decisions and Fiascoes. Boston: Houghton Mifflin, 1972. 276 p.
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47 (2). P. 263–291.
20. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24.

References

1. Andreeva G. M. Social'naya psihologiya: uchebnik dlya vuzov. 5-e izd., ispr. i dop. M. : Aspekt Press, 2007. 363 s. (In Russ.).
2. Voloshchuk D. A. Information and Psychological Warfare: Threats and Measures to Protect Troops // Al'manah Permskogo voennogo instituta vojsk nacional'noj gvardii. 2026. 101–102 s. (In Russ.).
3. Guzenko A. YU. Information and Psychological Impact of the Internet on Military Personnel of the Internal Troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // Molodoj uchenyj. 2016;7 (111): 322–324. (In Russ.).
4. Glazunova. S. N. Psychological state of military personnel / S. N. Glazunova, E. V. SHaporova // Molodoj uchenyj. 2022. № 13.1 (408.1). S. 8–9. (In Russ.).
5. Goncharov S. V. Avtomatizaciya upravleniya voenno-politicheskoy rabotoj v soedineniyah i voinskih chastyah v boevoy obstanovke// Voennaya mysl'. 2021. № 7. 108–109 s. (In Russ.).
6. Ikramov D. B. Problems of Improving the System of Sociological Support for the Management Activities of the Armed Forces of the Russian Federation in the Context of Increased Information and Psychological Threats // Akademicheskaya mysl'. 2022;4 (21): 17–19. (In Russ.).
7. Ksenofontov V. A. Social and Philosophical Aspects of Information Security // Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya. 2024;1 (281): 24–25. (In Russ.).
8. Pominova O. L. System for teaching methods of recognizing and countering modern methods of information and psychological influence on military personnel // MNKO. 2024;3 (106). 240 s. (In Russ.).
9. Serkin R. S. Military and political work as the most important area of work with the personnel of the Russian Federation's security forces in the face of increasing threats to national security // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2025;6 (161): 3–12. (In Russ.).
10. Kaneman D. Prinyatie reshenij v neopredelyonnosti: pravila i predubezhdeniya / D. Kaneman, A. Tverski. Har'kov: Gumanitarnyj centr, 2005. 632 s. (In Russ.).
11. Majers D. Social'naya psihologiya. 7-e izd. SPb. : Piter, 2011. 800 s. (In Russ.).
12. Moskovichi S. Vek tolp: istoricheskij traktat po psihologii mass. M. : Centr psihologii i psihoterapii, 1998. 480 s. (In Russ.).
13. Stefanenko T. G. Etnopsihologiya: uchebnik dlya vuzov. 4-e izd., ispr. i dop. M. : Aspekt Press, 2008. 368 s. (In Russ.).
14. Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa. SPb. : YUventa, 1999. 317 s. (In Russ.).
15. Filonenko L. V. Technologies for organizing and conducting work on the information and psychological security of military personnel / Agapova G. V., Prilepina N. V. // Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya i praktika. 2024;29. 26 s. (In Russ.).

16. CHaldini R. Psihologiya vliyaniya. 5-e izd. SPb. : Piter, 2020. 336 s. (In Russ.).
17. SHestopal E.B. Politicheskaya psihologiya: uchebnik dlya vuzov. 6-e izd., pererab. i dop. M. : Aspekt Press, 2022. 312 s. (In Russ.).
18. Janis I.L. Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign-policy Decisions and Fiascoes. Boston: Houghton Mifflin, 1972. 276 p. (In Russ.).
19. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk // Econometrica. 1979. Vol. 47 (2). P. 263–291. (In Russ.).
20. Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations / Eds. S. Worchel, W.G. Austin. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7–24. (In Russ.).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.04.2026;
одобрена после рецензирования 12.06.2025;
принята к публикации 18.06.2026.

The article was submitted 22.04.2025;
approved after reviewing 12.06.2025;
accepted for publication 18.06.2026.